

ческим, так как язык рассматривается вне его естественной основы, вне человеческой души ²⁴.

Весь пафос «Новой науки» и заслуга Вико состоят как раз в том, что явления рассматриваются в их естественных условиях и спонтанном развитии. Именно этим объясняется интерес Вико к доисторической эпохе, к архаическим формам языка и мышления, к мифологии, происхождению поэзии, стремление установить естественную преемственность эволюции и типологическую близость языка, мифа, поэзии, восходящих к ранним синкретическим формам семиотической деятельности: «Вследствие плачевной темноты оснований и бесчисленного разнообразия обычаев наций, вследствие божественности предмета, обнимающего все человеческое, нельзя желать еще более возвышенных доказательств, как именно те, которые дают нам естественность, порядок и цель (т. е. сохранение рода человеческого)» (115).

Хотя принято считать, что философия языка и эволюция языковых фактов не входят в проблематику современной науки, лингвисты более широких взглядов признают, что на определенном этапе обобщения встает проблема языка вообще, «потому что язык представляет собой наивысшую форму способности, неотъемлемой от самой сущности человека, — способности к символизации» ²⁵.

Возрастающий интерес к философии Вико и интерес именно к его «филологической доктрине», которая казалась безнадежно устаревшей для компаративистики XIX в., объясняется тем (и мы постараемся это показать), что виконианская концепция языка развивается в плоскости семиологии.

Рассмотрим теорию происхождения языка в изложении Вико, тему, ставшую непрестижной в языкознании, но не перестающую беспокоить человеческую, в том числе и научную, мысль. Вико справедливо замечает, что по этому поводу существует столько же мнений, сколько и писавших об этом ученых и, предпослав своим собственным рассуждениям обзор этих разноречивых мнений (это свидетельствует о его осведомленности в истории вопроса), приходит к мысли: основная трудность была вызвана тем, что ученые считали происхождение языков и букв разными вещами, «тогда как на самом деле они объединены по самой своей природе» (157). Подтверждением этому служит то обстоятельство, что если бы «буквы были формами артикулированных звуков, а не произвольными знаками, то они были бы у всех наций так же единообразны, как повсюду единообразны артикулированные звуки» (там же, разрядка моя. — Л. С.). Помимо того, что языки и буквы объединены общностью своей знаковой природы, Вико предполагает для них и общий ход эволюции в противовес господствующему среди филологов мнению, что «у наций сначала зарождаются языки, а потом письмена». На самом же деле «они рождаются близнецами... и проходят нога в ногу» (27) через три установленных периода истории. В связи с этим Вико считает необходимым искоренить еще одно заблуждение, будто бы иероглифы были изобретены мудрецами, а заодно и обуздать тщеславие необычайно хвастливых египтян, кичащихся своим приоритетом. Речь посредством иероглифов или вещей (типа послания скифского царя Идатуры Дарию) была естественной необходимостью, и ею пользовались все первые нации повсеместно. Далее Вико выдвигает три «неоспоримые истины»: первая — что все первые языческие нации... должны были выражать себя движениями или телами, имеющими непосредственное отношение к их идеям; вторая — что посредством знаков они должны были обеспечивать границы своих владений и иметь в них постоянных свидетелей своего права; третья — что все они умели пользо-

²⁴ Бодуэн де Куртень. Очерк истории языкознания или лингвистики (глоттологии). — В сб.: Теория и история языкознания, вып. 2. Методологические проблемы истории языкознания. М., 1974, с. 222.

²⁵ Бенвенист Э. Указ. соч., с. 28.